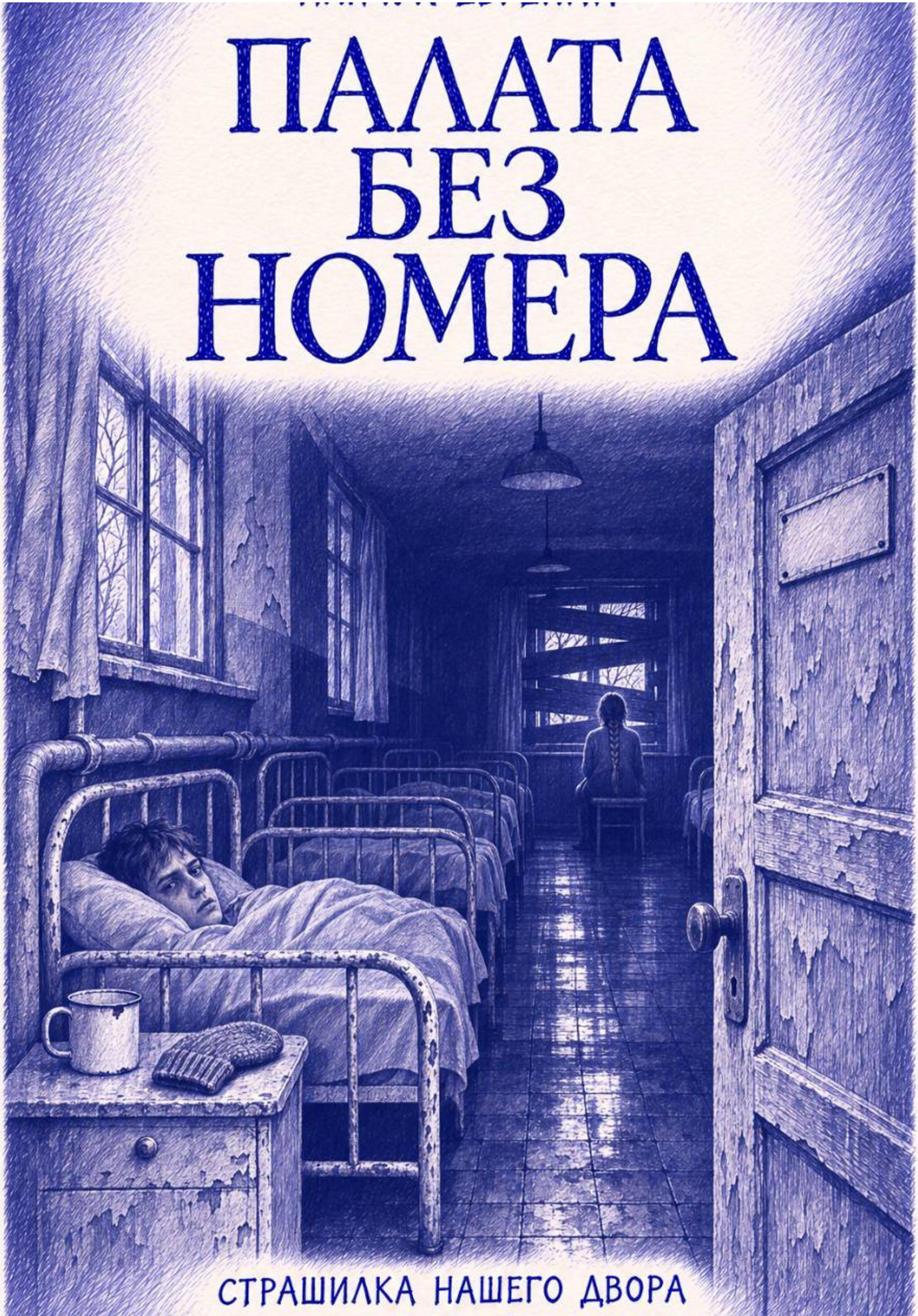
ПАЛАТА БЕЗ НОМЕРА

СТРАШИЛКА НАШЕГО ДВОРА

Евгений Пинчук

Палата без номера

«Автор»
2026

Пинчук Е. В.

Палата без номера / Е. В. Пинчук — «Автор», 2026

Март 1984 года. Детский санаторий на Урале. Пятнадцатилетний Кирилл провожает домой друга: Денис выздоровел, за ним приехал отец, автобус уходит за сосны. Ночью из запертой сушилки доносится знакомый кашель.За дверью Кирилл находит длинную палату. На первой кровати лежит Денис, худой и измученный, каким был в начале болезни. Он просит воды и уверяет, что никуда не уезжал. Утром Кирилл звонит ему домой. Друг отвечает сам и жалуется на странный сон: будто опять лежал в санатории, а Кирилл принёс ему стакан.В закрытой палате остаются и другие выписанные пациенты. Их родные уверены, что лечение помогло. Медсестра по ночам меняет им бельё, приносит лекарства и запирает дверь до утра. У дальнего окна сидит девочка, которую Кирилл узнаёт на фотографии 1966 года.Вместе с Аней, пациенткой с нижнего этажа, Кирилл пытается добиться объяснений. Но в процедурной уже гудит старый аппарат, и ещё один мальчик впервые за много дней встаёт без боли. К ночи в палате появляется новая кровать.

© Пинчук Е. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 14
Глава 6 16
Глава 7 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Евгений Пинчук
Палата без номера

Пинчук Евгений
Страшилка нашего двора
Книга 6
Палата без номера
Повесть
1984 год

Глава 1

Выписной день

Денис забыл варежку на батарее, и Кирилл заметил её уже после отъезда автобуса. Серая шерсть высохла до жёсткости, большой палец был зашит красными нитками. Утром Денис показывал этот палец воспитательнице и доказывал, что приличные люди в таком виде домой не ездят. Теперь на кровати лежал голый матрас, в тумбочке пахло яблоками, а у Кирилла в руке оставалась чужая варежка. Он вышел на крыльцо без пальто. Автобус ещё было видно между соснами, жёлтая крыша медленно двигалась за сугробами. Рядом с водителем сидел Денисов отец, за их спинами Денис поворачивался к окну. Кирилл поднял руку, но друг смотрел в другую сторону.

Санитарка Нина вернула его в корпус за локоть. Она несла из прачечной стопку простыней, верхняя соскользнула в снег, и Кирилл успел её подхватить. Нина сердито вздохнула, оглядела его тапочки и велела немедленно переобуться. После воспаления лёгких на мороз выходить запрещали даже в пальто, если он забывал шарф. Тапочки уже промокли. Кирилл сунул варежку за пояс, взял половину белья и пошёл следом. Нина не стала отнимать: до лестницы было близко, а утром одна из санитарок заболела, и теперь Нина работала за двоих. На повороте она остановилась, чтобы отдышаться. Из-под рукава её халата торчала нитка чёрного свитера. Кирилл подумал, что ни разу не видел здесь взрослого, который просто сидел бы без дела, кроме основателя санатория на портрете в вестибюле.

В палате оставались четверо. Денисова кровать стояла у окна, и днём Кирилл пытался пересесть туда с книгой, однако место оказалось неудобным: из рассохшейся рамы дуло, а со стекла капало на подоконник. Ещё вчера Денис утверждал, что там жарко, спал поверх одеяла и открывал форточку, когда никто не видел. Кирилл заклеил щель полоской газеты. В санатории «Сосновый ключ» всё приходилось приспосабливать к себе заново: столовые ложки обжигали пальцы, в читальне одна лампа мигала, на прогулке велели ходить кругами, хотя лесная дорога уходила далеко за корпус, к заснеженным склонам Уральских гор. Домой Кирилла обещали отпустить двадцать второго марта. Он зачёркивал числа в складном календарике и старался не считать оставшиеся ночи.

После ужина Аня Воронцова попросила помочь с радиоприёмником. Она жила этажом ниже, в комнате старших девочек, и ходила с деревянной тростью, на которой прежний владелец выжег инициалы. Приёмник принадлежал воспитательнице, но возиться с ним дали Ане: она умела найти нужный винтик в банке, где другие находили только одинаковые железки. Кирилл держал настольную лампу, пока она закрепляла оторванный провод. Из динамика донеслась музыка, потом мужской голос объявил время. Аня уменьшила громкость и спросила, не оставил ли Денис свой адрес. Кирилл показал страницу записной книжки. Денис нарисовал рядом с улицей кривой самолёт, хотя никаких самолётов во дворе у него не было; просто не любил, когда под написанным оставалось пустое место.

- Напиши ему про варежку, - сказала Аня. - А то приедет летом за ней и всем испортит смену.

Кирилл положил варежку на стол. Аня взяла её, просунула палец в заплату, посмеялась над красными стежками. Последнюю неделю Денис выглядел таким здоровым, что на него сердились даже те, кто сам шёл на поправку. Он бегал по лестнице, таскал чужие чемоданы, съедал вторую порцию каши. Месяц назад его привезли ночью; Кирилл проснулся от грохота каталки и потом два дня слушал, как за перегородкой Денис тяжело ловит воздух. Об этом никто не любил вспоминать. Кирилл хотел забыть звук, с которым друг вдыхал, но теперь, когда на его месте стояла пустая кровать, почему-то вспомнил особенно ясно.

Перед отбоем в палату заглянула Вера Павловна. Она всегда сначала смотрела на окно, потом на стаканы с водой и только после этого на ребят. У Кирилла спросила про боль под лопаткой. Боль почти прошла, оставалась при глубоком вдохе, однако он сказал, что совсем не болит. Корнеева не стала спорить, попросила поднять руки и несколько секунд слушала грудь. Холодный край фонендоскопа оставил круг на коже. Кирилл смотрел поверх её плеча на Денисову кровать. Врач тоже обернулась, задержала взгляд на матрасе и велела Нине до утра убрать тумбочку. Санитарка удивилась: туда собирались положить нового мальчика. Вера Павловна ответила, что мальчика разместят в двенадцатой.

Свет погасили в десять. Кирилл уснул быстро и проснулся с неприятным ощущением, будто его долго звали, а он притворялся спящим. В коридоре горела только лампа у лестницы. Соседи дышали ровно, один скрипел зубами. На стуле возле батареи лежали сухие тапочки, поверх них Кирилл положил варежку, чтобы утром не забыть про письмо. Он нащупал под кроватью бутылку с водой и услышал кашель. Два коротких толчка, долгий хриплый вдох и тихое ругательство. Так кашлял Денис в первую неделю. Кирилл сел, вода пролилась на одеяло. За дверью что-то прокатили по линолеуму, колёса стукнули о железный порог, потом снова раздался кашель.

Он вышел, застёгивая пижаму. В дальнем конце коридора стояла каталка с горой свёрнутых одеял. За ней светилась полоска под дверью старой сушилки. Днём там всегда было заперто; на стеклянной вставке висела бумага «Не входить, инвентарь». Кирилл дошёл до двери и услышал, как кто-то позвал сестру. Голос был слабый, но знакомый. На секунду ему стало легко: автобус, наверное, сломался, Денис вернулся, заболел с дороги, и теперь его положили отдельно. Он потянул ручку. Дверь подалась на ширину пальца и упёрлась во что-то тяжёлое. Из щели пахнуло горячим бельём и тем резким больничным запахом, который не выветривался даже из чистых полотенец.

- Денис, это ты? - спросил Кирилл. Ответ пришёл не сразу. Сначала он услышал скрип пружин, затем чьё-то дыхание совсем близко к щели. - Ты чего вернулся?

- Я не уезжал, - сказал Денис. - Ты воду принёс?

Кирилл отступил. Дверь снова качнулась, изнутри её придерживали. Он видел кусок белой стены, край железной кровати и босую ступню с двумя синими пятнами возле щиколотки. У Дениса там были следы старой травмы: в детстве он влез в разбитое окно сарая. Кирилл видел эти шрамы в душевой, когда они спорили, можно ли считать два маленьких пореза настоящим ранением. Теперь ступня дёрнулась и исчезла. В коридоре загорелся верхний свет. Ночная сестра Лидия Андреевна стояла возле каталки, держа связку ключей так крепко, что кольцо вдавилось ей в ладонь. Она посмотрела на щель, затем на мокрое пятно у Кирилла на пижаме и тихо велела вернуться в палату.

Глава 2

За сушилкой

Кирилл не пошёл. Он сказал, что там Денис, и протянул руку к двери, словно мог доказать это одним прикосновением. Лидия Андреевна поставила между ними каталку. Вблизи на ней оказались не одеяла, а толстые серые чехлы, свёрнутые одинаковыми рулонами. Из одного торчала завязка с железным кольцом. Сестра накрыла её краем простыни. Она не смотрела Кириллу в лицо, только торопливо поправляла бельё и повторяла, что больным ночью нужно лежать. За дверью опять закашляли. Лидия Андреевна прижала ладонь к стеклянной вставке, будто проверяла, горячая ли она, и на миг закрыла глаза.

- У него воды нет, - сказал Кирилл. - Я ему сейчас принесу. Почему вы его туда положили?

- Я сама дам, - ответила сестра. - Ты простудишься. У тебя спина мокрая, ты понимаешь?

Он понимал, что спина мокрая. Ещё понимал, что перед ним человек, который знает, кто лежит за дверью. От этого стало страшнее. Лидия Андреевна могла объяснить всё за минуту, могла сказать про поломку автобуса, про ошибку с выпиской, даже накричать. Она только просила уйти. Кирилл отодвинул каталку, но та зацепилась колесом за порог. Железо звякнуло. Сестра схватила его за запястье и тут же отпустила, увидев, как он поморщился. На шум открылась дверь в начале коридора. Дежурная воспитательница высунулась в халате, спросила, кого носит по ночам. Лидия Андреевна сказала, что Сомов разлил воду и пришёл за тряпкой. Кирилл хотел возразить, однако голос из сушилки умолк.

Воспитательница отвела его обратно. Он пытался объяснить про Дениса, но она ответила, что после отъезда друга всегда непривычно и что в соседнем отделении тоже есть мальчик Денис. Кирилл знал соседнее отделение: там лежали младшие, и Денису оттуда было семь лет. Спорить под взглядами проснувшихся соседей он не стал. Переодел рубашку, повесил мокрую на спинку стула. Сухую варежку сунул под подушку. Он лежал до утра, слушая, как в стене то булькает, то вздрагивает труба. В половине шестого по коридору снова прокатили каталку. На этот раз колёса не стукнули о порог: кто-то заранее придержал переднюю ось.

После завтрака Кирилл нашёл Аню возле комнаты лечебной физкультуры. Она ждала, пока освободится инструктор, и выдёргивала из резинового наконечника трости прилипший кусок жвачки. Кирилл рассказал всё, кроме того, что испугался. Аня сначала спросила, точно ли автобус уехал. Потом заставила повторить слова Дениса. Когда он второй раз произнёс «Я не уезжал», она перестала чистить наконечник. Накануне днём из их окна было видно, как жёлтый автобус выехал на шоссе. Аня смотрела вслед, потому что Денис обещал махнуть ей из заднего окна и забыл. Значит, вдвоём они видели достаточно, чтобы версия воспитательницы не годилась.

Дверь сушилки утром оказалась открыта. На крючках висели пустые плечики, под стеной стояли три корыта, на полу лежала решётка, на которую ставили мокрые сапоги. Свет падал из маленького окна под потолком. Помещение заканчивалось кирпичной стеной, слишком близкой для кровати, которую Кирилл видел ночью. Он прошёл внутрь, посчитал шаги: четыре от двери до корыт. Попытался посмотреть за ними. Аня опёрлась тростью на решётку, та качнулась, и Кирилл придержал подругу за локоть. Под решёткой блестела вода. Слева из стены выходили две толстые трубы, одна обжигала даже сквозь рукав, другая была холодной. На холодной висела капля, хотя воздух в сушилке стоял сухой и тёплый.

- Ты бы это запомнил? - спросила Аня, показывая на окно. - Если ночью заходил?

Кирилл объяснил, что видел только щель. Белая стена находилась справа, кровать дальше, окно он не видел вообще. Аня посмотрела на высоту потолка и достала из кармана карандаш. На обороте листка с упражнениями нарисовала дверь, трубы и корыта. Возле левой

трубы поставила крест. Ей хотелось вернуться с линейкой, но Кирилл не видел смысла: стена была настоящей. Они потрогали кирпич, попробовали постучать. За стеной что-то ответило глухим металлическим звоном, который мог быть эхом в трубе. Из коридора окликнула Нина, и оба поспешно отодвинулись от корыт. Санитарка принесла ведро, велела не мешаться и начала вытирать воду под решёткой.

До вечера Кирилл ещё дважды подходил к сушилке. После обеда она была заперта, перед ужином оттуда вынесли мокрые матрасы. Вера Павловна разговаривала с Лидией Андреевной у лестницы. Сестра держала журнал, но врач на него не смотрела. Кирилл услышал только обрывок: «Пока не согреется обратка, не трогайте». Он знал слово «обратка» от отца, который когда-то чинил в их квартире отопление. Отец стучал по батарее, ругался на воздух в трубах и ничего загадочного в этом слове не было. Здесь оно почему-то заставило Кирилла отступить за дверь читальни. Лидия Андреевна заметила движение, но не позвала его.

Аня пришла после отбоя, прихрамывая сильнее обычного. Она заранее договорилась с соседкой, что та скажет про уборную. Кирилл ждал у лестницы со стаканом воды и варежкой в кармане. Они никого не собирались спасать в одиночку; Аня хотела увидеть, что он видел, а Кирилл хотел услышать хоть одно объяснение от Дениса. У трубы в коридоре стоял металлический таз. Из разошедшегося соединения медленно капало, каждая капля звенела о дно. В сушилке снова горел свет. Дверь открылась без сопротивления, и вместо корыт они увидели узкий проход между кроватью и стеной. Кирилл стоял, зажав стакан обеими руками. Трубы остались на прежнем месте, но уходили теперь вдоль целого ряда коек.

Денис лежал первым. Щёки провалились, на подбородке темнела царапина, которой в день выписки не было. Он повернул голову, узнал обоих и попробовал улыбнуться. Аня тихо сказала его фамилию, словно проверяла, правильно ли понимает происходящее. Кирилл поднёс воду. Денис пил маленькими глотками, вода стекала в ворот рубашки. На тумбочке стояла эмалированная кружка с чёрным сколом. Дальше под одеялами неподвижно лежали ещё люди. Один стонал во сне. У самого дальнего окна сидела девочка с длинной косой, накрыв ладони белой тканью. В окне не отражалась комната: за стеклом чернели ветки, и Кирилл понял, что это окно выходит в лес.

- Ты домой звонил? - спросил он. - Отец ведь за тобой приезжал. Мы тебя проводили.

Денис перестал пить. Посмотрел на стакан, потом на варежку, которую Кирилл вытащил из кармана. Красная заплата пришлась прямо под его пальцы. Он долго трогал стежки и вдруг спросил, зачем Кирилл снова её зашил. Кирилл сказал, что ничего не шил. У Дениса дрогнула нижняя губа. Он отвернул край одеяла, достал такую же варежку и положил рядом. На обеих большой палец был стянут красными нитками. Только та, что лежала в постели, была мокрая, и из неё пахло чем-то кислым. Аня взяла Кирилла за свободную руку. По коридору приближались шаги, и девочка у окна быстро укрыла лицо тканью.

Глава 3

Домашний номер

Лидия Андреевна остановилась на пороге с маленьким подносом. Кирилл успел увидеть на нём два пузырька, ложку и сложенную салфетку. Сестра смотрела на варежки. Потом подняла глаза на Аню, заметила её трость, прислонённую к кровати, и поставила поднос на тумбочку. Она не удивилась тому, что у Дениса две одинаковые вещи. Это Кирилл запомнил лучше всего. Аня спросила, что здесь происходит. Лидия Андреевна погладила Дениса по мокрым волосам и велела ему лечь ровно, потому что от сидения он начинал задыхаться. Денис послушался. Пока сестра поправляла подушку, он убрал свою варежку под одеяло и прижал к груди.

- Уходите сейчас, - сказала Лидия Андреевна. - Я приду к вам и объясню. Здесь нельзя толпиться.

Кирилл спросил, почему они проводили Дениса, если его никто не выписывал. Сестра посмотрела на дверь. За ней не было ни Нины, ни врача, и Кирилл понял: она боится разговора без свидетелей. Аня тоже поняла. Она взяла свою трость, сказала, что они пойдут за Верой Павловной, и медленно двинулась вдоль коек к выходу. Кирилл хотел забрать стакан, но Денис обхватил его обеими руками. Пришлось оставить. В дверях Кирилл оглянулся. Девочка у окна опустила ткань. На её лице были глубокие красные полосы, а губы двигались, словно она считала. Он не успел разобрать ни слова: Лидия Андреевна заслонила проход.

Из сушилки они вышли в тот же коридор, где капала труба. Аня остановилась возле таза, прижала ладонь к стене и дышала через рот. Она прошла всего несколько метров, но теперь колено подгибалось так, что трость скользила. Кирилл предложил позвать кого-нибудь. Аня сказала, что сначала дойдут до лестницы. В читальне горела настольная лампа. Там дежурная воспитательница, Тамара Ивановна, проверяла тетради санаторной школы. Она поднялась, увидев их, и сразу начала сердиться. Кирилл не дал ей договорить: сказал, что Денис Лапин лежит за сушилкой и ему очень плохо. Воспитательница взяла обоих за плечи, несколько раз переспросила имя и пошла смотреть.

Дверь была заперта. Тамара Ивановна постучала, позвала Лидию Андреевну. Ответа не последовало. Из-за стекла виднелась только темнота. Воспитательница попробовала достать из кармана ключи, но ключ от сушилки в связке не нашла. Она отвела Аню в девичью комнату, Кирилла оставила на стуле у сестринского поста, а сама ушла за дежурным врачом. Кирилл сидел под стенными часами, слышал, как внутри механизма цепляется шестерёнка. Через несколько минут из бокового перехода вышла Лидия Андреевна. Она несла тот же поднос, теперь на нём стоял и его стакан. Увидев Кирилла, остановилась. Он смотрел на стакан, на отпечатки Денисовых пальцев, и больше не боялся, что утром сам себе перестанет верить.

Дежурил Брагин. Молодой врач приехал в санаторий осенью, носил очки с заклеенной дужкой и поначалу путал воспитательниц с медсёстрами. Теперь он выслушал Тамару Ивановну, провёл Кирилла к себе и попросил описать палату. Кирилл говорил долго, перескакивал с окна на варежку, с девочки на кровати. Брагин записывал имена, не перебивал. После осмотра он отметил, что температуры нет, и сказал, что утром поговорят с Верой Павловной. Кирилл потребовал позвонить Денису домой. Врач посмотрел на часы: без четверти одиннадцать. Звонить в чужую квартиру ночью он отказался, зато разрешил прийти после завтрака. Номер Кирилл записал на листке из блокнота. Брагин положил листок под стекло на столе.

Утром, в среду четырнадцатого марта, Кирилл ел кашу так быстро, что заболел бок. Аня ждала у кабинета. Её трость стояла между коленями, а в руках был вчерашний рисунок сушилки. Вера Павловна пока не приехала из города. Брагин впустил обоих и сам набрал номер. Трубку взяла женщина. Он назвал себя, спросил, можно ли поговорить с Денисом, и,

выслушав ответ, посмотрел на Кирилла. Потом трубка оказалась у мальчика в руках. В ней щёлкнуло, раздался знакомый голос, бодрый и немного сердитый. Денис спрашивал, зачем звонить с утра: он только начал собирать модель, и мать теперь отправит в магазин, раз уж всё равно встал.

- Ты где? - спросил Кирилл. - Скажи, где ты сейчас.

- На кухне, где мне ещё быть? Тут шнур короткий. Ты плачешь, что ли?

Кирилл хотел сказать про палату, однако Брагин приложил палец к листку и покачал головой: сначала обычные вопросы. Пришлось спросить, как доехали, что было на ужин, нашли ли на автобусной станции синюю сумку. Денис сообщил, что сумка всё время была у отца, на ужин мать пожарила картошку, а днём они простояли полчаса у переезда. Кирилл помнил синюю сумку и отцовское раздражение. Голос в трубке не мог принадлежать кому-то случайному. Тогда он спросил про варежку. Денис засмеялся, сказал, что заметил пропажу уже в городе. На батарее оставил, да? Пусть Кирилл привезёт, а то мать заставит вязать новую пару.

Аня наклонилась к трубке. Кирилл передал ей аппарат, и она напомнила про заднее окно автобуса. Денис сразу начал оправдываться: сзади сидела бабушка с мешками, отец велел не лезть, вот он и забыл помахать. Аня сказала, что обиделась, но не очень. Потом неожиданно спросила, хорошо ли он спал. В трубке наступила пауза. Денис ответил, что нормально, только сон был отвратительный. Будто опять привезли в санаторий, кто-то крутит у него перед носом мокрой тряпкой, пить хочется, а на тумбочке пусто. Кирилл ощутил, как холодеет рубашка между лопатками. Он хотел выхватить трубку, но Аня крепко держала её и расспрашивала дальше.

Денису снилось, что Кирилл принёс воду. Во сне ещё была Аня, хотя он до звонка не знал, что она рядом. Денис попытался пошутить, что друзьям в таких случаях положено приносить компот. Шутка оборвалась кашлем. Мать что-то спросила из комнаты. Он прикрыл трубку ладонью, ответил ей, что поперхнулся, и попросил больше не звонить до обеда. Брагин взял аппарат, поговорил с женщиной, записал её имя. Кирилл слышал, как врач выбирает слова. Он предлагал приехать на контрольный осмотр, объяснял, что появились вопросы по выписным бумагам. Мать Дениса согласилась на четверг: раньше муж не мог отпроситься с работы.

Когда разговор закончился, Брагин снял очки и потёр переносицу. Кирилл ждал, что он объяснит. Вместо этого врач спросил, не рассказывали ли они Денису про ночную палату заранее. Аня положила перед ним рисунок. Она показала, где ночью начинался проход и куда уходила стена. Брагин посмотрел на схему, затем вынул из ящика ключи. До прихода главного врача оставалось полчаса. Он собирался увидеть сушилку сам. Кирилл встал так резко, что стул ударился о стену. Из кармана выпала варежка. Брагин поднял её, подержал в руке, разглядывая красную заплату. На одном стежке висела светлая короткая нитка, похожая на волос. Ночью Денис зацепил её ногтем, когда сравнивал обе вещи.

Глава 4

Дневной обход

В сушилке стояли корыта. Кирилл вошёл первым, потом Аня, придерживаясь за косяк. Брагин осмотрел мокрую решётку и запертую маленькую форточку под потолком. Он измерил комнату шагами, как накануне Кирилл, затем достал из кармана сантиметровую ленту и попросил Аню придержать конец. От стены до двери получилось два метра сорок. Длинная палата не могла поместиться здесь даже вдоль корпуса: за соседней перегородкой находилась комната для хранения ингаляторов, а над ней лестница. Брагин не стал этого говорить вслух. Он записал размеры на обороте рецептурного бланка и присел возле труб. Одна была едва тёплой, на другой темнел старый потёк.

Из коридора вошла Нина. Увидев врача на корточках, она спросила, опять ли течёт соединение. Брагин ответил, что пока смотрит, и попросил её рассказать, кто пользуется сушилкой ночью. Нина пожала плечами: тот, кому надо сушить. Здесь держали чехлы для процедурных матрасов, их выносила Лидия Андреевна, а утром Нина убирала воду. Иногда воду приходилось собирать дважды. Она сказала это спокойно, без тайны; Кирилл неожиданно почувствовал злость. Он уже вторую ночь видел перед собой Дениса в постели, а Нина говорила о мокром полу, будто всё ограничивалось плохой прокладкой.

- А стеклянный стакан здесь был утром? - спросил Кирилл. - Мой, с трещиной в ободке. Я его оставил у кровати.

Нина вспомнила стакан на посту, но не знала, откуда он взялся. Брагин попросил принести его и пока ничего не мыть. Тогда санитарка впервые внимательно посмотрела на ребят. Аня объяснила, что они ночью видели за дверью людей. Нина спросила, каких людей, и, услышав фамилию Лапина, опустила ведро. Она сама собирала ему сумку в понедельник, сама провожала к автобусу. Кирилл кивнул. Брагин поднялся и сказал, что пока не может объяснить случившееся, поэтому просит не обсуждать это в столовой. Нина ответила, что не собирается пугать младших, и пошла за стаканом гораздо быстрее, чем пришла.

Вера Павловна застала их ещё в сушилке. На ней было зимнее пальто, на воротнике таял снег. Она выслушала Брагина, не снимая перчаток, потом попросила Кирилла и Аню подождать у кабинета. Кирилл отказался: он хотел услышать, почему друга выписали и одновременно спрятали здесь. Корнеева посмотрела на него так, как смотрела при осмотре, когда он пытался скрыть боль под лопаткой. Только теперь он ничего не скрывал. Он вынул варежку, рассказал про две одинаковые заплаты. Врач спросила, уверен ли он, что вторая вещь была именно варежкой, а не рукавицей из бельевого комплекта. Аня повторила, что обе лежали рядом, и показала длину пальца.

- Денис дома, - сказала Вера Павловна. - Сергей Анатольевич уже проверил. Это главное, с чего нужно начинать. Ночью в незнакомом помещении можно принять человека за знакомого.

Брагин напомнил про телефонный разговор. Он перечислил сон Дениса, воду, присутствие Ани. Корнеева наконец сняла перчатки и аккуратно сложила их. Она попросила рассказать всё с начала и слушала почти десять минут. Кирилл говорил, глядя на её руки. На правом безымянном пальце был широкий след от снятого кольца. К концу рассказа пальцы перестали двигаться. Когда он упомянул девочку у окна, Вера Павловна подняла голову. Спросила, как она была одета и видел ли он её лицо. Кирилл описал полосы на щеках. Врач сказала, что в санатории лечат детей с разными повреждениями, и особенности чужой внешности обсуждать не следует.

Нина принесла стакан, завернув в чистую тряпку. На стекле остались мутные полосы. Лидия Андреевна утверждала, что Сомов сам поставил стакан на пост, после того как разлил воду. Кирилл почти закричал, однако Аня наступила наконечником трости ему на тапочку. Он замолчал. Брагин взял стакан, поблагодарил Нину и сказал, что оставит его у себя. Корнеева не возражала. Она велела завхозу проверить отопление в сушилке и предупредила, что ребятам туда больше заходить нельзя: пол скользкий, труба неисправна. После этого разговор закончился так внезапно, что Кирилл ещё стоял с варежкой перед собой, когда взрослые уже вышли в коридор.

Аня дождалась, пока их отпустят, и повела Кирилла к боковому окну. Отсюда было видно старое крыло, низкое, одноэтажное, уходившее за котельную. На стене тянулись тёмные разводы, окна были забиты щитами. Между нынешним корпусом и старым оставили узкую галерею с жестяной крышей. Аня показала карандашом на высоту подоконников. Ночное окно находилось низко, за ним были ветви, а у сушилки окно почти под потолком. Если палата где-то существовала, смотреть она могла как раз на этот лес. Кирилл прислонился к стеклу. На одном щите снег оттаял прямоугольником, хотя солнца с этой стороны не было.

Они спустились в холл и попросили у воспитательницы бумагу для писем. Кирилл собирался написать матери. Ему хотелось изложить всё так, чтобы она немедленно приехала, но уже первая строка выглядела дико. «Дениса выписали, а он остался» - мать могла решить, что у него снова высокая температура. Аня предложила написать про ночное помещение и попросить поговорить с врачом. Кирилл разозлился: так выходило письмо про сквозняк или плохую еду. Он скомкал лист, потом развернул. Бумагу выдавали по две страницы, и идти за новой было стыдно. Аня молча подвинула свой лист. Её письмо тёте было наполовину готово, и нижний край пришлось оторвать по сгибу.

После тихого часа Кирилла вызвали в кабинет. Брагин сидел один, рядом со стаканом лежали рисунок и телефонный номер. Он сказал, что договорился с Верой Павловной оставить сушилку на ночь открытой и посмотреть вместе. Кирилл сразу согласился. Врач покачал головой: смотреть будет он, а ребятам нужно оставаться в комнатах. Потом неожиданно спросил, не болела ли у Дениса нога, когда тот прикоснулся к варежке. Кирилл вспомнил босую ступню со шрамами, попытку сесть, воду на воротнике. Нога не болела, но Денис всё время держал колени подтянутыми, словно мёрз. Брагин записал это отдельно и попросил никому не обещать, что завтра всё объяснится.

Ночью Кирилл не выходил из палаты. Он сидел у стены, прислушивался к коридору и видел свет под дверью. Брагин прошёл мимо в одиннадцать, потом ещё раз около полуночи. Кашля не было. Батарея сначала стала горячей, затем быстро остыла. Утром Кирилл узнал, что завхоз перекрыл какую-то задвижку, пока менял прокладку. В сушилке врач до двух часов видел только корыта. Он не говорил, что ребята всё выдумали. Зато теперь у него под глазами лежали серые тени, а на столе возле стакана стояла такая же эмалированная кружка с чёрным сколом, какую Кирилл видел у Денисовой кровати. Брагин сказал, что утром её нашла Нина под решёткой.

Глава 5

Красная нитка

Денис приехал в четверг перед обедом. Отец привёз его на попутной машине и вошёл в корпус первым, с портфелем под мышкой. Он был недоволен вызовом, но старался говорить вежливо. Кирилл увидел их из столовой и оставил недоеденный суп. Друг стоял возле гардероба в расстёгнутой куртке, здоровый, румяный, с мокрыми от снега волосами. Он обрадовался, протянул руку, потом обнял Кирилла за плечи. От него пахло улицей и чужой машиной. Никаких провалившихся щёк, никакой царапины на подбородке. Кирилл смотрел на гладкую кожу и не знал, откуда начать. Денис спросил, почему у него такое лицо, словно он сам только что умер.

Аня подошла с другой стороны. Денис показал ей маленькую деталь от модели, которую привёз в кармане: дома не получилось ровно приклеить, хотел посоветоваться. Аня взяла деталь, покрутила в пальцах и попросила сесть. Отец уже разговаривал с Брагиным у кабинета. Кирилл достал варежку. Денис сунул её в рукав куртки, поблагодарил и опять начал рассказывать про модель. Он говорил быстро, громко, перебивая собственные мысли. Кирилл помнил Дениса таким до болезни по школьной поездке, ещё осенью. Ночной мальчик у кровати говорил совсем иначе: каждое слово приходилось проталкивать между вдохами. Совместить их в голове не получалось.

Брагин пригласил всех троих в пустую учебную комнату. Отец Дениса остался у окна. Врач заранее попросил Кирилла ничего не прятать и не устраивать проверок тайком, поэтому теперь он рассказал про обе ночи прямо. Денис сначала улыбался. Потом улыбка ушла, но на лице осталось выражение вежливого ожидания, как при слишком длинной шутке. Он несколько раз посмотрел на отца. Тот спросил Брагина, зачем сына вызвали ради чужих снов. Врач ответил, что есть обстоятельства, которые нужно проверить, и положил на стол эмалированную кружку. Денис наклонился над ней и провёл пальцем по чёрному сколу. Улыбаться он перестал окончательно.

- Эта кружка мне снилась, - сказал он. - Только там на дне нитка плавала. Я всё пытался её вытащить.

Кирилл не помнил нитки. Аня тоже. Отец раздражённо выдохнул, собираясь сказать что-то резкое, и в этот момент Денис взялся за край стола. Он побледнел, подбородок задрожал. Брагин успел подставить стул. Денис сел, попытался вдохнуть и согнулся так, что волосы упали на лоб. Это длилось меньше минуты. Потом он выпрямился, провёл ладонью по лицу, удивлённо сказал, что в комнате душно. Кирилл видел, как отец друга перестал сердиться. Он расстегнул портфель, достал чистый носовой платок и долго не мог решить, что с ним делать. Брагин уже слушал Дениса, попросив остальных выйти в коридор.

Они ждали возле окна. Аня держала в ладони деталь от модели, и Кирилл видел, как дрожит край пластмассы. Внизу через двор прошёл Григорий Ильич, завхоз, с ящиком инструментов. Он остановился у котельной, поднял голову на старое крыло и постоял так несколько секунд. Из трубы шёл густой белый пар. Накануне, когда отопление перекрывали, пара почти не было. Кирилл вспомнил слова про обратку. Он подошёл к окну ближе, но Аня сказала, чтобы не пытался снова ходить один. Она поняла направление его взгляда. После двух ночей Кирилл уже не мог возразить, будто ничего не собирается делать.

Брагин вышел через полчаса. Отец Дениса согласился оставить сына до следующего утра под наблюдением. Корнеева хотела разместить его в отдельной комнате возле кабинета, однако отец настоял, что будет рядом. Им поставили раскладушку в бывшей перевязочной. Денис вышел к друзьям в больничных тапочках, смущённый и злой. Он сказал, что всё испорчено,

мать теперь вообще не выпустит из дома. Кирилл начал оправдываться, но Денис остановил его. Тот приступ был слишком похож на прежние, чтобы списать всё на разговор. Он попросил показать дверь. Кирилл посмотрел на Брагина. Врач подумал и кивнул: днём можно, вместе с ним и отцом.

Сушилка опять была маленькой. Денис вошёл, остановился посередине и медленно повернулся. Отец стоял в коридоре, не снимая пальто, будто боялся задержаться здесь надолго. Денис присел возле решётки и потянулся к трубе. Брагин удержал его руку: горячо. Друг отдёрнул пальцы ещё до прикосновения и сказал, что знает. Кирилл спросил, откуда. Денис ответил, что во сне его кровать стояла именно у трубы и он всё время старался от неё отодвинуться. На стене возле трубы темнели полосы, похожие на следы металлических спинок. Брагин наклонился, поскоблил краску краем деревянной лопаточки из кармана. Под верхним слоем обнаружилась старая голубая полоса.

Вечером отец Дениса позвонил жене из кабинета и объяснил, что задержатся. Он говорил о контрольном обследовании, о перестраховке врачей, ни разу не упомянул ночную палату. Денис сидел рядом с Кириллом на скамейке. Между ними лежала варежка. Теперь друг сам рассматривал красные стежки, пересчитывал их, словно число могло что-то решить. Он сказал, что зашивал мать при нём, в пятницу перед приездом в санаторий. Красных ниток оказалось больше, чем серых, вот она и взяла их. Вторая такая заплата существовать не могла. Кирилл спросил, помнит ли он, как положил варежку на батарею. Денис вспомнил: она промокла, когда они утром вышли попрощаться с ребятами из соседнего корпуса.

Перед отбоем Брагин пришёл в палату Кирилла. Он разрешил ему и Ане подойти к посту в половине одиннадцатого. Корнеева уже уехала, но оставила письменное распоряжение наблюдать Дениса и не проводить никаких процедур. Врач показал листок, словно самому ему требовалось подтверждение. Лидия Андреевна сменялась в восемь утра, ключи оставались у неё. Кирилл спросил, знает ли она о встрече. Брагин ответил, что знает. Он не обещал открыть помещение силой, не обещал доказать, кто прав. Кирилл вдруг понял, как мало власти у этого взрослого человека перед стеной с двумя трубами. Врач мог слушать лёгкие, звонить родителям, записывать результаты. Сейчас и этого было больше, чем одиночная ночная вылазка.

В половине одиннадцатого Денис стоял у сестринского поста в сером халате. Отец застегнул ему ворот, хотя в коридоре было жарко. Аня сидела на стуле, вытянув больную ногу, Кирилл держал варежку. Из стены донёсся глубокий стук. Труба у пола задрожала, и Лидия Андреевна резко подняла голову. Она попросила всех отойти от двери. В тот же миг Денис охнул и прижал ладонь к подбородку. Между его пальцами выступила тонкая полоска крови. Нина принесла вату, Брагин отвёл его руку. На гладкой коже появилась такая же царапина, какую Кирилл видел у ночного Дениса.

Глава 6

Два пульса

Лидия Андреевна открыла дверь своим ключом. Она сделала это быстро, до того как Денисов отец успел потребовать объяснений. За дверью горела низкая лампа, длинная палата уходила влево, и первые несколько секунд никто не двигался. Кирилл почувствовал почти постыдное облегчение: теперь видели все. Отец Дениса шагнул вперёд, вытянул руку и остановился, как человек, которому показали фотографию сына в морге. Денис лежал на первой кровати с открытыми глазами. Рядом с отцом стоял другой Денис, в сером халате, с ватой у подбородка. У обоих была кровь. Лежащий приподнял голову, и на наволочке осталась маленькая красная точка.

- Пап, - сказал он. - Ты почему так долго?

Отец сел на край кровати. Потом встал, оглянулся на сына возле двери и снова сел. У него не хватало дыхания, хотя болен был совсем другой человек. Брагин попросил его освободить место. Лидия Андреевна подставила табурет, и отец послушно опустился на него, стиснув колени. Врач подошёл к лежащему Денису, назвал себя, спросил, больно ли дышать. Мальчик кивнул. Кирилл заметил, что на тумбочке теперь стояла жестяная миска с водой, а эмалированной кружки не было: она оставалась в кабинете Брагина. Значит, вещи могли выйти отсюда и не исчезнуть утром. Это было важно, хотя Кирилл ещё не знал зачем.

Брагин попросил лежащего назвать полную фамилию, имя матери, домашний адрес. Тот ответил без ошибки, затем сам добавил номер квартиры, который Кирилл до звонка не знал. Дневной Денис слушал, кусая губы. Врач спросил, какое воспоминание у каждого последнее перед нынешним вечером. Один назвал кухню, мать и поездку обратно, другой вспомнил, как Лидия меняла мокрую наволочку. Оба помнили сегодняшнее утро в доме, но для лежащего оно было похоже на сон, который продолжается, даже когда открываешь глаза. Брагин попросил не торопиться с выводами. Он проверял, насколько их память совпадает, и не скрывал, что пока не понимает причину. Кирилл хотел вставить про приёмник, однако врач попросил дать мальчикам отвечать самим. Отец смотрел то на кровать, то на сына возле двери. Несколько раз начинал фразу и останавливался: местоимение «ты» теперь требовало направления взгляда. В какой-то момент он просто назвал обоих по имени, тихо, будто звал из соседней комнаты. Оба повернули голову одновременно.

Аня опёрлась плечом о косяк. Ночной Денис узнал её и спросил, починили ли они приёмник. Кирилл вспомнил понедельник: в тот вечер здоровый Денис уже находился дома и знать про ремонт мог только из сегодняшнего рассказа. Но они не рассказывали ему про лампу, про оторванный провод. Аня спросила, кто сообщил о приёмнике. Лежащий пожал плечами, от чего сразу закашлялся. Ему казалось, что он сидел с ними в читальне. Потом он вспомнил ещё и кухню, картошку, отца у переезда. Воспоминания путались; он говорил «дома», потом «здесь», злился на себя и просил принести нормальную воду вместо тёплой.

Дневной Денис сделал шаг от двери. Лидия Андреевна подняла ладонь, но он обошёл её. Кирилл хотел удержать друга и схватил за рукав. Ткань оказалась мокрой от пота. Денис посмотрел на руку Кирилла так недоумённо, что тот отпустил. Вблизи они выглядели разными братьями: у одного лицо полное, у другого глаза слишком велики для худых щёк. Оба одинаково морщили нос. Лежащий увидел варежку в Кирилловой руке, потянулся за своей под одеяло и вытащил её. Отец издал короткий звук, похожий на сдавленный кашель. На мокрой шерсти была такая же красная заплата, даже узелок торчал в том же месте.

Брагин попросил здорового Дениса сесть на соседний стул. Он хотел измерить пульс у обоих, послушать, задавать одинаковые вопросы. Говорил спокойно, но задел ногой под-

нос, оставленный Лидией Андреевной. Ложка упала и покатилась по полу. Девочка у окна вскрикнула, закрыла уши, несколько лежащих зашевелились. Врач поднял ложку, извинился перед всеми сразу. Кирилл впервые увидел палату целиком. Кроватей было семь. На третьей от двери лежал мальчик, которого он помнил с февральской смены: Саша Ремезов, веснушчатый, с некрасивым передним зубом. Его проводили две недели назад. Теперь зуб торчал над сухой нижней губой, а на шее лежала влажная тряпка.

Денис не сел. Он наклонился к кровати и протянул лежащему ладонь. Тот ответил тем же движением. Кирилл видел, как их пальцы сошлись, как на обеих руках одновременно напряглись жилы. Никакой вспышки не было. Здоровый Денис резко согнулся, лежащий выгнулся на подушке, оба вдохнули с одним и тем же страшным свистом. Отец вскочил, Брагин оказался между ними. Лидия Андреевна оттянула стул, закричала, чтобы разжали руки. Они и так уже разжали, но приступ продолжался. Кирилл подхватил друга под плечи и почувствовал, как быстро тот теряет силу. Ещё утром Денис мог сам носить чемоданы, теперь его пришлось опускать на пол.

Врач велел Кириллу отойти и позвать Нину. Он побежал в коридор, едва не сбив Аню. Пост был пуст, в комнате персонала играло радио. Нина как раз наливала себе чай, увидела его лицо и поставила чайник мимо плитки. Кирилл не сумел сказать фамилию, только показал на сушилку. Санитарка побежала за ним. Когда они вернулись, Денис уже сидел на полу, прислонившись к Брагину. Лидия Андреевна принесла медицинскую сумку, отец держал лампу. Кирилл не смотрел на то, что делал врач: он смотрел на кровать. Лежащий Денис дышал легче, хотя оставался бледным. От одной встречи кому-то стало лучше, а другому хуже.

Помощь заняла много времени. Ночной Денис заснул, дневного перенесли в перевязочную. Отец не выпускал его руку и всё спрашивал, сколько у него сыновей. Никто не отвечал. Лидия Андреевна пошла в палату с водой, Брагин остановил её у порога и попросил рассказать, что она знает. Она посмотрела на Аню с Кириллом. Врач сказал, что скрывать от них уже поздно. Лидия Андреевна долго держалась за дверную ручку, потом произнесла, что встречаться им нельзя. До этого живые и лежащие никогда не стояли рядом. Слово «живые» заставило Кирилла обернуться к первой кровати. Денис там дышал, вздрагивал во сне и прижимал под щекой мокрую варежку.

- Они тоже живые, - сказала Аня. - Вы же сами им воду носите.

Лидия Андреевна села прямо на ящик у стены. Она выглядела старше, чем полчаса назад. Брагин не стал допрашивать её здесь, попросил только не закрывать дверь, пока они внутри. Сестра кивнула. Кирилл помог Ане дойти до скамейки. У неё опять болело колено, но она не жаловалась. Из перевязочной донёсся Денисов голос: он звал отца и спрашивал, почему лежит на полу в чужой комнате, если уже выписался. Отец отвечал одно и то же: ты на кровати, я рядом, мы никуда не уйдём. Кирилл стоял между двумя помещениями и впервые понимал, что доказательство ничего не исправило. Теперь оба Дениса существовали для всех взрослых, и оба нуждались в помощи.

Глава 7

Перевод

Утром Дениса хотели отправить в районную больницу. Брагин позвонил туда ещё ночью, объяснил состояние пациента и попросил машину. О палате по телефону он сначала не говорил. Кирилл слышал разговор из коридора: врач перечислял жалобы, возраст, прежнее заболевание, потом замолчал, выслушивая ответ. Машина могла приехать после восьми, когда вернётся с вызова в посёлок. Денисов отец согласился ехать вместе с сыном. Когда санитарка начала складывать вещи, Денис спросил, возьмут ли второго. Вопрос прозвучал так буднично, что Нина продолжала сворачивать рубашку ещё несколько секунд. Потом положила её на край кровати и вышла за Брагиным.

Вера Павловна приехала в семь. Она даже не отряхнула снег с сапог, сразу прошла в перевязочную. Слушала Дениса, проверяла царапину, задавала короткие вопросы. Отец стоял рядом с кроватью, не уступая ей места, и говорил, что видел ночью. Корнеева не пыталась его остановить. Когда он закончил, она велела Нине принести чистый халат и попросила Брагина пройти с ней. Кирилл встал у двери. Врач посмотрела на него, затем на Аню, которая ждала возле поста. Она сказала, что им обоим пора на завтрак. Кирилл ответил, что пойдёт, когда узнает, что будет с лежащим Денисом. Вера Павловна отвернулась к Брагину и спросила, открыт ли проход сейчас.

После утреннего снижения температуры в трубах палата ещё оставалась на месте. Свет в ней потускнел, над полом лежала влажная дымка. Корнеева подошла к первой кровати, назвала лежащего по имени и стала проверять его состояние так же тщательно, как только что дневного. Тот знал её. Он спросил, когда разрешат спать на боку и принесут ли письмо от матери. Кирилл заметил, что Вера Павловна отвечает, не глядя на Брагина. Ей были знакомы и остальные: она проверила тряпку у Саши на шее, попросила женщину в конце палаты повернуться к свету. Из-под одеяла показалась взрослая рука. Кирилл раньше считал, что здесь лежат только дети. Теперь стало ясно, что дальнюю часть он почти не рассмотрел.

У окна сидела девочка с косой. Вера Павловна остановилась перед ней, не касаясь. Девочка смотрела мимо, на щит за стеклом. Кирилл подошёл ближе и увидел, что с внутренней стороны оконная рама целая, а снаружи к ней прибиты доски. Сквозь узкую щель торчала ветка. Вчера ему казалось, что окно открыто в лес. Теперь он различал каждый гвоздь. Девочка спросила у Корнеевой, не привезли ли апельсины. Врач покачала головой. Лидия Андреевна, стоявшая у двери, вдруг прижала платок к губам. Кирилл не понял почему: обычная просьба, здесь часто просили фрукты. Однако в палате все словно замерли, ожидая следующего вопроса.

На выходе Брагин потребовал объяснений. Корнеева сняла очки, которых Кирилл раньше у неё не видел, и положила в нагрудный карман. Она сказала, что отделение существует давно, но держать двери открытыми опасно из-за температуры. Процедуры проводились редко и только по тяжёлым показаниям. Брагин переспросил слово «процедуры». Кирилл ждал, что сейчас наконец назовут болезнь, устройство, причину. Вместо этого Вера Павловна рассказала про состояние Дениса при поступлении: прогноз был плохим, обычное лечение не помогало достаточно быстро. Она говорила отцу, который подошёл вслед за ними, но смотрела на Кирилла. Будто объясняла ему, почему друг тогда перестал задыхаться.

- Вы это сделали? - спросил отец Дениса. - Вы его раздвоили? Я вам разрешал лечить ребёнка. Что я теперь матери скажу?

Корнеева ответила, что не знает слова для случившегося. Отец выругался, впервые за всё время, и потребовал немедленно увезти обоих. Ночного Дениса попробовали поднять. Нина вместе с Брагиным подложили под него простыню, отец придержал ноги. До двери было

несколько шагов. У порога мальчик начал задыхаться, простыня промокла холодной водой, и Кирилл увидел, как на полу под ним темнеет след, хотя воду никто не разливал. Пришлось отнести обратно. Другой Денис в перевязочной в ту же минуту потерял сознание. Об этом прибежала сказать воспитательница. Отец бросился к нему, а Брагин остался у первой кровати, держась за её спинку так сильно, что побелели костяшки.

Машина из больницы приехала к десяти. Фельдшер, женщина с красными от холода руками, прошла сначала в перевязочную, потом в палату за сушилкой. Кирилла и Аню на это время вывели. Они сидели в учебной комнате, слышали шаги, отрывки разговоров, стук каталки. Нина принесла им оставшийся завтрак, поставила хлеб и чай, но есть никто не стал. Аня смотрела на трость, лежащую поперёк колен. Она сказала, что если их сейчас отправят домой, нужно писать Брагину и звонить каждый день. Кирилл спросил, почему должны отправить. Аня ответила, что взрослые часто освобождают помещение от тех, кому нечего объяснить. Она сказала это без привычной насмешки, устало.

Но их не отправили. Фельдшер связалась с больницей, потом главврач санатория разговаривала с кем-то по междугородной линии. Перевод Дениса отложили: оба состояния резко менялись при попытке перемещения, а обычная машина не могла обеспечить необходимого наблюдения. Врач из больницы обещал приехать сам. Брагин потребовал прекратить все процедуры в старом крыле до осмотра. Корнеева согласилась, но попросила не трогать отопление. Григорий Ильич, которого вызвали из котельной, сказал, что отопление всё равно придётся трогать: давление за последние сутки поднималось дважды. Вера Павловна ответила, что знает. Завхоз посмотрел на неё и тихо спросил, знает ли она, сколько лет трубам.

К вечеру дневного Дениса разместили в отдельной палате первого этажа, рядом оставили отца. Кирилл получил разрешение зайти на десять минут. Друг лежал на боку, царапину заклеили маленьким пластырем. Он не хотел говорить про второе тело. Попросил достать из куртки деталь модели, отнести Ане и узнать, можно ли ещё выправить пластмассу. Кирилл нашёл деталь на столе у Ани, вернул в пакетике, но Денис отодвинул её. Сказал, что дома всё было хорошо до звонка. Кирилл кивнул, принимая это на себя, хотя не знал, в чём именно виноват. Потом друг протянул руку и задержал его за рукав. Попросил ночью проверить того Дениса. Сам идти боялся, а просить отца не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.